

Ду Цинчэнь вздохнул и продолжил:

— Жулинь, роды для женщин — это как переход через врата ада, а что уж говорить о герях? Если он забеременеет, я, конечно, не стану говорить об этом, а просто постараюсь обеспечить ему лучший уход, найму лучших врачей и акушеров. Но раз уж пока ничего нет, я не буду давить на него, чтобы он не чувствовал себя обязанным. Я просто хочу, чтобы он был в безопасности, чтобы он не страдал. Что касается потомства, оно появится, когда придет время. Если его не будет, разве у тебя нет детей? Что, ты не собираешься отдать мне одного?

Ду Цинчэнь пошутил.

Ду Жулинь не смог возразить, но все же нашел эту идею шокирующей.

Ду Цинчэнь усмехнулся, и они больше не возвращались к этой теме. За дверью Су Дун долго не мог прийти в себя. Даже если они останутся без наследников, Ду Цинчэнь предпочел бы усыновить ребенка, чем жениться снова...

Да, он говорил, что хочет быть с ним один на один, что ему нужен только он. Даже когда сын губернатора Тао предложил ему в жены свою дальнюю родственницу, Ду Цинчэнь отказался.

В новогоднюю ночь все ложились спать поздно. Ду Цинчэнь и Су Дун отправились отдыхать уже ближе к полуночи. Су Дун выглядел гораздо счастливее, чем за ужином. Ду Цинчэнь с любопытством спросил:

— Что случилось? Ты так радуешься.

Это не было похоже на обычную радость от праздника. До ужина Су Дун не выглядел так счастливым, как сейчас. Казалось, его радость исходила из глубины души, как будто произошло что-то приятное.

Су Дун, смеясь, перекатился на кровати и улегся на грудь Ду Цинчэня. Его глаза светились счастьем, а уголки губ были приподняты в улыбке.

— Ничего!

— пробормотал он.

Ду Цинчэнь был удивлен. Су Дун всегда был сдержанным и почти никогда не подходил к нему так близко, чтобы соблазнить. Только в моменты сильного возбуждения он мог заплакать, и Ду Цинчэнь всегда целовал его слезы. Но даже в такие моменты Су Дун не проявлял инициативы, а просто лежал с невинным взглядом, вызывая желание защитить и одновременно поиграть с ним.

Такого активного Су Дуна он никогда раньше не видел!

Су Дун, казалось, играл с волосами Ду Цинчэня, заплетая их вместе и пытаясь связать, но не слишком старался, так что это больше походило на игру.

Он излучал соблазн.

Его всегда милый и простой супруг внезапно изменился, и Ду Цинчэнь, удивленный, почувствовал возбуждение. Он обнял его:

— Ты уверен, что ничего не случилось? Ты сегодня какой-то странный.

— Ничего! Это ты странный!

— Су Дун ткнул пальцем в грудь Ду Цинчэня.

Он боялся за его безопасность и даже не хотел заводить детей. Су Дун никогда не видел такого мужчину, даже не слышал о таких! Он был счастлив, но не сказал об этом. Ведь согласно его воспитанию, как супруг, он должен был радоваться таким мыслям мужа, но это было неправильно. Супруг должен рожать и быть активным в этом вопросе. В ответ на такие мысли мужа он должен был рассердиться и сказать, что потомство важнее его собственной безопасности. Это соответствовало бы традициям и правилам.

Но Су Дун не хотел этого! Он скрыл свои чувства, радуясь в душе, и даже не мог никому об этом рассказать.

Ду Цинчэнь притворился, что вздохнул:

— Ладно, у Дун-гэ есть свои секреты, и он не хочет делиться ими со мной.

— Почему я должен все тебе рассказывать? Ты тоже не все рассказываешь мне!

— Су Дун с легкой гордостью улыбнулся.

— Что я не рассказал? Я уже отдал тебе все свое сердце. Хочешь, потрогай, чтобы убедиться, что оно еще здесь? Я давно отдал его тебе!

Ду Цинчэнь, смеясь, взял руку Су Дуна и приложил к своей груди, чтобы тот почувствовал биение сердца.

— Врешь, оно все еще здесь!

Честный Су Дун отнял руку и, улыбаясь, посмотрел на Ду Цинчэня. Без сердца человек бы умер, а он все еще жив. Он знал, что Ду Цинчэнь просто шутит, и даже использовал такие глупые шутки.

— Кто сказал, что оно здесь? Это просто оболочка. Ты чувствуешь, как оно бьется, но на самом деле душа уже ушла, она у тебя!

Ду Цинчэнь наклонился и поцеловал его.

Су Дун хотел возразить, но Ду Цинчэнь уже прижал его к кровати, одной рукой удерживая его руки над головой.

Весна наступила, и продажи основы для хого начали снижаться, так как основа застывает только в холоде. В теплую погоду она превращается в маслянистую жидкость, что затрудняет транспортировку и доставку. Кроме того, с потеплением клиентов, желающих есть хого, стало меньше.

Ду Цинчэнь наконец получил передышку. У него были идеи для новых блюд, подходящих для весны, чтобы продолжить успех, но разве можно все время только зарабатывать деньги? Су Дун провел с ним всю зиму в работе, разве он не заслужил отдыха?

Лед на реке растаял, природа ожила, и это было идеальное время для прогулок на природе. Учитель Лю и уездный начальник Фэн тоже так думали, поэтому решили организовать литературное собрание. Фэн финансировал мероприятие, а Ду Цинчэнь взял на себя

организацию.

Собрание должно было пройти у реки в уезде. Если Ду Цинчэнь не ошибался, река называлась Нигоу. Ее использовали для орошения полей, и даже была поговорка: «Нигоу, Нигоу, в засуху — грязь, в дождь — вода». Это отражало разочарование крестьян, которые хотели использовать реку для полива, но она то пересыхала, то переполнялась.

Но это не имело отношения к собранию. Фэн просто захотел устроить прогулку на природе.

Ду Цинчэнь был в растерянности. Он не знал местных традиций для таких мероприятий, поэтому спросил Ду Жулиня, который участвовал в нескольких собраниях с учителем Лю. Ду Жулинь сказал:

— На последнем собрании мы ели суп с бараниной и лепешками. Учитель Лю сказал, что это вкусно, но не очень изысканно.

Ду Цинчэнь опешил. Так что, ему тоже нужно было приготовить суп с бараниной и лепешками?

— Еще что-нибудь? Может, ты слышал о других собраниях?

— продолжил спрашивать Ду Цинчэнь.

— Учитель Лю упоминал, что на предыдущем собрании были лепешки.

Ду Цинчэнь промолчал. Так что, в маленьких уездах даже литературные собрания такие простые? Где же изысканность и утонченность?

— Но, — Ду Жулинь вспомнил, — на собрании в доме губернатора Тао все было по-другому.

— Да! Его собрания, конечно, более показательны. Что вы там ели?

— Ду Цинчэнь тут же заинтересовался.

— Я слышал от слуг, что на банкетах губернатора Тао подают шестнадцать блюд, восемь супов и четыре десерта. Все должно быть сбалансировано и соответствовать правилам. Но, честно говоря, вкус был посредственный, даже хуже, чем суп с бараниной.

— Ду Жулинь тихо добавил.

Ду Цинчэнь был в замешательстве. Он вздохнул:

— Ладно, понял. Я просто сделаю так, как считаю нужным.

— Да, брат, не переживай. Никто не обращает на это внимания. Раньше все ели суп с бараниной из одной миски и были счастливы. Если не было бумаги, писали на земле, и все было хорошо.

— Ду Жулинь засмеялся.

Ду Цинчэнь недовольно покачал головой:

— Ладно, понял. Я не заставлю вас всех есть суп с бараниной и лепешками.

— На самом деле, я думаю, хого тоже подойдет.

— засмеялся Ду Жулинь.

Ду Цинчэнь молча похлопал его по плечу. С тех пор, как Ду Жулинь сдал экзамены на туншэна, он больше не позволял ему гладить по голове, так что приходилось довольствоваться плечом.

— Учись хорошо, не отвлекайся. Просто готовься к собранию.

Хого? Группа ученых в традиционных одеждах, сидящих у реки с мисками в руках, едящих хого? Это даже менее изысканно, чем суп с бараниной и лепешками! Ду Цинчэнь решил сначала осмотреть место проведения собрания у реки Нигоу, чтобы понять, какие блюда лучше всего подойдут. Конечно, на такую прогулку он взял с собой Су Дуна. Семья Ду уже купила повозку, и Ду Цинчэнь повез Су Дуна на место собрания.

Фэн не просто так выбрал это место. У реки Нигоу, недалеко от окраины уезда, росла персиковая роща, любимое место для встреч ученых уезда Пинсин. Именно туда и направился Ду Цинчэнь.

Легкий аромат цветущих деревьев витал в воздухе.

<http://bllate.org/book/16444/1491333>